

Дереализация прошлого: функции сталинского мифа

За двадцать лет отношение к Сталину поменяло знак — с резко негативной оценки до признания «положительной в целом» его роли в истории страны

Лев Гудков

Риторическое обращение к Иосифу Сталину как эталону государственного деятеля и представление самой сталинской эпохи в качестве примера форсированного развития страны¹ нередко звучит из уст политиков разного уровня и партийной принадлежности — и еще чаще в учебниках, публицистике, трудах по истории Великой Отечественной войны. Подобные высказывания можно рассматривать как свидетельство невежества и цинизма российского политического класса, а также авторов соответствующей печатной продукции, однако ограничиться подобными оценками не позволяет резонанс, который обращение к образу Сталина получает в обществе. Речь здесь идет не об историческом Сталине. О нем знают мало, поскольку в России, как и в других странах, для большинства историческое знание не представляет особого интереса. «Сталин» в сегодняшней России — это реkvизит политической мифологии, используемой (в явном или неявном виде) кремлевской администрацией для компенсации слабой легитимности нынешнего режима, а также коммунистами, которые позиционируют себя в качестве оппонентов действующей власти.

Как и другие мифы XX века, комплекс представлений о Сталине имеет иную природу, чем традиционные космогонические или героические верования, воспроизводимые в племенных ритуалах, или фольклорные

легенды, объясняющие происхождения институтов. Сталинский миф — продукт бюрократической работы, прежде всего массовой пропаганды. Его действенность строится не на правдоподобию, а на частоте повторения, которое функционально сродни групповому ритуалу или государственному церемониалу: с помощью таких практик многократно повторенные суждения превращаются в стереотипы или клише массового сознания. Подобные символы существуют не потому, что в них так уж нуждаются и верят массы, а потому, что к ним постоянно апеллируют влиятельные политические силы, которые навязывают их обществу, руководствуясь собственными интересами.

Политические мифы управляют не отдельными фактами или аргументами, а целыми риторическими контекстами². Так, имя «Сталин» объединяет разнородные представления — о стиле руководства страной, характере общества, отношениях с другими странами и т. п.; оно поддерживает связь времен и упорядоченность массовой идентичности, задает определения «реальности» и ориентиры национального развития. Структура мифологемы «Великий Сталин» включает в себя различные цепочки представлений, которые восходят к разным периодам советской истории и присущи разным группам российских граждан:

- Сталин и аппаратные интриги, борьба за власть с «ленинской гвардией», стары-

ми большевиками, соратниками Ленина; Сталин и уничтожение внутривластной оппозиции как условие единства власти, необходимого для успешной индустриализации и коллективизации; Сталин и массовый террор; Сталин и триумф Победы в Отечественной войне, Сталин и раздел послевоенной Европы, выход СССР на международную арену в качестве ядерной супердержавы.

- Сталин и становление великой державы; апология массового террора как экстраординарных мер и неизбежной платы за стремительное развитие страны; утверждение, что только такими методами можно было сохранить страну, нацию от уничтожения, которым грозила война с Германией; террор в этих условиях следует считать единственным эффективным средством принудительной мобилизации и модернизации.

- Сталин и техническая модернизация, которую он соединил с политическим террором и социальной контрмодернизацией, что стало причиной последующего в 1970-е годы застоя и далее — краха коммунизма.

- Сталин — параноидальная личность, маньяк и садист, чьи личностные черты определили особенности репрессивной организации государства и общества, жертвами которой стали миллионы невинных людей; разоблачение культа личности на XX съезде КПСС не означает признания ошибочности политики партии и советского руководства.

- Сталин — воплощение национальной славы России, «эффективный менеджер», обеспечивший превращение отсталой страны в одну из двух мировых супердержав, — все его ошибки и перегибы не могут заслонить достоинств великого государственного деятеля, создавшего огромный блок стран соцлагеря, противостоящего Западу.

И т. д.

Список составляющих этого мифа принципиально открыт, он допускает включение разнообразных элементов, актуальных в той или иной социально-политической ситуации (тематически они могут быть любыми: нужда в вожде, мудрость власти, отец нации и защитник русской идеи, органическая структура социума, враги и вражеское окружение, романтический энтузиазм строителей нового общества и проч.).

Важно, что во всех вариациях этой идеологии присутствуют два постоянных мотива: 1) суверенитет руководства; полнота власти (почти мистическая) без ответственности; пассивность населения без участия, без представительства (без механизмов репрезентации) групповых интересов и ценностей; общество без политики; человек как объект управления и принуждения — без прав и сознания собственной, имманентной ценности; 2) постоянство политики конфронтации; необходимость противостояния врагам самого разного толка.

Нужда в мифологемах такого рода обычно проявляется в ситуациях кризиса мобилизационного государства или падения массовой поддержки персоналистского режима, слабой легитимности власти, становящейся особенно ощутимой в условиях смены носителей власти и требующей обновления государственной идентичности³.

Секулярный (политический) миф, как и всякая идеология, не существует отдельно от тех социальных групп или институтов, стараниями которых он вырабатывается, трансформируется и распространяется. Никакой спонтанной или «естественной» потребности общества в подобных идеологических комплексах нет. Падение или рост значимости сталинского мифа носят «рукотворный», искусственный характер и могут быть рационально объяснены действиями механизмов пропаганды. Любая идеология (в том числе идеологизиро-

ванная «культура», которая становится предметом специальной заботы «государства») существует лишь в практике ее социальной организации и бюрократических ведомств, обеспечивающих ее воспроизводство в массовых слоях общества. По отношению к идейным структурам такого рода работает не «внутренняя логика» движения идей, а направленность групповых и институциональных интересов действующей власти (обеспечения массовой поддержки, мобилизации, удержания власти, дискредитации противников, нейтрализации недовольных) или интересов ее конкурентов и критиков. Здесь неприменимы метафоры «свободно парящей интеллигенции» Мангейма или «третьего царства» идей Поппера как модели внутренней организации института, который вносит в сознание публики новые смыслы. Напротив, речь идет о намеренном навязывании определенной модели отношений власти и общества и массовой готовности ее принять или сопротивляться этому. Характер сопротивления косвенным образом может свидетельствовать о латентной структуре общества или его культуре. Поэтому я хотел бы рассматривать здесь сталинский миф в качестве «меченого атома», то есть своеобразного индикатора различных состояний посттоталитарного общества.

Изменение массового отношения к Сталину в постсоветское время

В 1989 году на просьбу социологов назвать «самых выдающихся людей, общественных и культурных деятелей, оказавших наиболее значительное влияние на мировую историю», имя Сталина в России назвали 12 проц. опрошенных (11-е место в списке, включавшем больше сотни различных деятелей)⁴. Через 23 года Сталин занял в этом списке ведущую позицию — впервые за все время подобных опросов (его назвали 42 проц. опрошенных, см. таблицу 1 на с. 110).

В конце 1990 года, на излете перестройки, мало кто в России думал, что Сталин останется в ее истории в каком-либо ином контексте, кроме описаний массового террора, коллективизации, голода, военной катастрофы 1941 года, борьбы с космополитами и т. п.⁵ Тогда всего 10 проц. опрошенных считали, что в 2000 году имя Сталина будет что-то значить для «народов СССР» (70 проц. полагали, что его забудут или он не будет иметь существенного значения, остальные затруднились ответить). В начале 1991 года всего 0,2 проц. опрошенных думали, что через поколение о Сталине вряд ли будет помнить кто-либо, кроме историков, изучающих советский период.

Однако в 2008 году на вопрос: «*Будут ли через 50 лет люди в России вспоминать о Сталине, и если да — то с какими (хорошими, плохими или смешанными) чувствами?*» — респонденты давали уже

Таблица 1

ДИНАМИКА САМЫХ ЗНАЧИМЫХ ИМЕН В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ РОССИИ, 1989—2012 ГОДЫ							
	1989 г.	1991 г.	1994 г.	1999 г.	2008 г.	2012 г.	Изменение ранга
Ленин	72	59	46	42	34	37	1→2
Маркс	35	8	6	5	3	4	3→33
Петр I	38	51	56	45	37	37	2→2
Пушкин	25	32	31	42	47	29	4→4
...							
Сталин	12	28	28	35	36	42	11→1

В % к числу всех опрошенных в каждом замере

Таблица 2

КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ РОЛЬ СТАЛИНА В ИСТОРИИ /ЖИЗНИ НАШЕЙ СТРАНЫ?							
	1994 г.***	2003 г.	2006 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
В целом позитивно *	27	53	42	42	49	51	45
В целом негативно **	47	33	37	37	33	30	35
Затруднились ответить	19	14	21	21	18	19	20
Число опрошенных	3 000	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600

В % к числу опрошенных

* Сумма ответов «безусловно положительную» и «скорее положительную».

** Сумма ответов «скорее отрицательную» и «безусловно отрицательную».

*** В опросе 1994 года была использована иная шкала; помимо уже приведенных вариантов ответа вводилась подсказка «незначительная роль», которую выбрали 5 проц. опрошенных.

не столь однозначные ответы. Двадцать три процента россиян полагали, что в будущем Сталина полностью забудут, но относительное большинство опрошенных (45 проц.) все же полагали, что вспоминать о нем все-таки будут, но «со смешанными чувствами». Полярные и четко выраженные мнения представлены равным, хотя и незначительным числом респондентов: положительные установки проявлены у 7 проц. респондентов, негативные — у 9 проц. (16 проц. затруднились с ответом). Собственно сам этот факт — малое число тех, кто сохраняет выражено негативную, моральную, оценку диктатора, — и составляет важнейшую проблему социологического анализа российского общества и возможностей его трансформации.

Процесс восстановления «величия Сталина» в общественном восприятии медленно нарастал на протяжении всех 1990-х годов. Но перелом в отношении к нему

наступил с приходом к власти Владимира Путина и установлением в России авторитарного режима. Этому способствовал общий негативный фон: разочарование в реформах, массовая фрустрация и ностальгия по прошлому. Падение жизненного уровня, длительное состояние аномии и социальной дезорганизации стали факторами, усилившими распространение массового консерватизма и имитационного традиционализма.

Именно с этого момента Сталин становится предметом телевизионной пропаганды и политической рекламы. При этом реабилитация Сталина носила осторожный и двусмысленный характер: не отрицая самого факта массовых репрессий и преступлений сталинского режима, путинские политтехнологи старались отодвинуть эти обстоятельства на задний план, всячески подчеркивая заслуги

Таблица 3

С КАКОЙ ОЦЕНКОЙ ПЕРИОДА В ИСТОРИИ НАШЕЙ СТРАНЫ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ: ВРЕМЯ СТАЛИНА? ⁶					
	1994 г.	1999 г.	2003 г.	2008 г.	2012 г.
Больше хорошего, чем плохого	16	26	29	25	27
Больше плохого, чем хорошего	60	48	47	44	42
Не принесло ничего особенного	4	4	4	6	5
Затрудняюсь ответить	20	22	21	25	25
Хорошее/ плохое	0,27	0,54	0,62	0,57	0,64

В % к числу опрошенных

Таблица 4

КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ К СТАЛИНУ?					
	Апрель 2001 г.	Апрель 2006 г.	Сентябрь 2008 г.	Февраль 2010 г.	Октябрь 2012 г.*
С восхищением	4	5	1	2	1
С уважением	27	23	22	23	21
С симпатией	7	8	8	7	6
Безразлично, равнодушно, меня это не интересует	12	19	37	38	33
С неприязнью, раздражением	18	18	11	12	12
Со страхом	16	15	7	7	7
С отвращением, ненавистью	9	5	4	5	4
Затруднились ответить	6	8	10	6	11
Сумма позитивных оценок	31	28	22	25	28
Сумма негативных оценок	43	38	31	24	23
Сумма индифферентных (безразлично, равнодушно + затрудняюсь ответить + отказ от ответа)	18	27	47	44	49
Позитивные/негативные оценки	0,7	0,7	0,7	1,0	1,2

V % к числу опрошенных

* В опросе 2012 года были введены опции «не знаю, кто такой Сталин» (1 проц.) и «отказ от ответа» (5 проц.), несколько изменившие вес «индифферентных ответов», что повлияло на соотношение других вариантов ответов респондентов

Сталина как полководца и государственного деятеля, обеспечивавшего модернизацию страны и превращение ее в одну из двух мировых супердержав⁷.

Хотя соблазн таких интерпретаций велик, увеличение числа россиян, позитивно оценивающих заслуги Сталина, не означает роста человеческих симпатий к нему или реставрации тоталитарных установок. Оценки сталинизма и сталинской эпохи дwoятся: «историческая роль» Сталина стала котироваться в общественном мнении выше (см. таблицу 2 на с. 111), а восприятие того времени, помеченного его именем, сохраняет негативные коннотации, хотя и все с меньшей силой (см. таблицы 3 на с. 111 и 4 на с. 112).

Эта двойственность вполне закономерна. Анализ данных свидетельствует о том, что одни и те же люди говорят, что «Сталин — тиран, виновный в смерти миллионов людей» и что «только под его руководством СССР превратился в могущественную

и процветающую державу»; что «политика Сталина привела к разгрому военных кадров и неготовности страны к войне» и что «только под руководством Сталина наш народ вышел победителем в этой войне» (см. таблицу 5 на с. 113). Подобное соединение не просто разных, а «несовместимых» мнений, многократно повторяющееся в социологических исследованиях массового сознания, указывает, что это не социологический артефакт или ошибка методики опросов, не «шизофрения массового сознания», каковой его часто готовы считать многие наблюдатели, а действие специфических механизмов «дwoемышлия», определяющих тоталитарное и — в меньшей степени — посттоталитарное сознание.

Эффекты такого рода повторяются и фиксируются независимо от техники опросов или особенностей статистической обработки. Их нельзя объяснить и тем обстоятельством, что респонденты, давая содержательно различные ответы, мысленно ориентируются на

Таблица 5

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ С ПРИВЕДЕННЫМИ СУЖДЕНИЯМИ?			
Суждения	Полностью согласен/скорее согласен	Скорее не согласен/совершенно не согласен	Затруднились ответить
1. Сталин — мудрый руководитель, который привел СССР к могуществу и процветанию	50	37	14
2. Сталин — жестокий, бесчеловечный тиран, виновный в уничтожении миллионов невинных людей	68	15	13
3. Какие бы ошибки и пороки ни приписывались Сталину, самое важное — что под его руководством наш народ вышел победителем в Великой Отечественной войне	68	16	13
4. Политика Сталина (разгром военных кадров, сговор с Гитлером) привела к тому, что страна оказалась не подготовленной к войне	58	22	20
5. Только жесткий правитель мог поддержать порядок в государстве в условиях острой классовой борьбы, внешней угрозы	56	26	18
6. Наш народ никогда не сможет обойтись без руководителя такого типа, как Сталин, который придет и наведет порядок	34	50	17
7. Сталина злобно поносят люди, которым чужды интересы русского народа и нашего государства	32	42	26
8. Мы еще не знаем всей правды о Сталине и его действиях	68	14	19

Октябрь 2008 года; в % к числу опрошенных по строке

разные воображаемые референтные «фигуры» вопрошающих: в одном случае ответа ждет как бы представитель государства, на которого ложится отсвет величия, приоритетности важных государственных интересов, носитель коллективных символов и представлений, в другом — носитель «обыденного здравого смысла» и морали, ценностей и интересов общества, частного человека, оценивающего актуальные и исторические события со своей точки зрения. Эти семантические плоскости взаимодействия респондента и авторитетных инстанций, представленных интервьюером в ситуации опроса, можно разводить лишь теоретически, концептуально; в сознании отдельного человека, и тем более в массовом сознании, они смешаны, переплетаются, а главное — дополняют друг друга. (Собственно, на достижение такого результата и нацелена пропаганда.)

Амбивалентность массовых установок функциональна, она указывает на *неразрывность сочетания национального величия с*

насилием, которые образуют характерную травматическую структуру национального сознания, особенности русской идентичности, ее коллективных мифов и символов. Одно не может быть выражено без другого⁸. В русской культуре закрепилась идея, что значения высокого («по-настоящему» ценного, подлинного, важного) не могут быть артикулированы без жертв и крови, иначе чем через утрату, через вынужденное принятие необходимости жертв. В противном случае «высокое» превращается в лицемерие, ходульные клише, словоблудие начальства или политическую риторику и проч. Такие шаблоны культуры отчасти обусловлены поверхностным, «магическим» христианством («пострадать надо»). Но у них есть и иной источник: историческая практика утверждения коллективных символов и ценностей исключительно через государственное насилие (см. щедринское — «войны за просвещение»), принуждение, репрессии и властный контроль, ставшие привычными

Таблица 6

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ОПРАВДАНЫ ЛИ ЖЕРТВЫ, КОТОРЫЕ ПОНЕС СОВЕТСКИЙ НАРОД В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ, ВЕЛИКИМИ ЦЕЛЯМИ И РЕЗУЛЬТАТАМИ, ДОСТИГНУТЫМИ В КРАТЧАЙШИЕ СРОКИ?				
	октябрь 2008 г.	август 2010 г.	апрель 2011 г.	ноябрь 2012 г.*
Определенно да	3	5	4	4
В какой-то мере да	24	29	26	21
Нет, их ничем нельзя оправдать	60	58	61	60
Затрудняюсь ответить	13	9	10	7

N=1600, в % к числу опрошенных

* В этом опросе была введена опция «отказ от ответа», которую выбрали 8 проц. респондентов; эту группу можно с некоторой осторожностью или натяжкой сопоставить с вариантами ответа — «в какой-то мере да» и с «затрудняюсь ответить», то есть рассматривать как мягкое уклонение от категорического выбора «да».

особенностями массовой социализации и образования. Поскольку государство в России никогда (ни в царское, ни в советское, ни в постсоветское время) не являлось инстанцией общих интересов, то выполнение социальных функций — в любой сфере, от воинской повинности как священной обязанности и долга гражданина до контроля над моралью и культурой — немыслимо без соответствующей доли принуждения. (Фальшивым синонимом принуждения выступает формула «модернизация сверху» или «нам нужна одна победа, мы за ценой не постоим», особенно если эту цену платят обычные граждане, а не власти предрежащие.)

Соединение насилия и коллективных символов образует то, что называется «фасцинацией зла» — обаянием или притягательностью государственной истории, величия империи или сакрализацией державной власти⁹. Значимость подобных структур коллективного сознания объясняет слабость потенциала гражданской солидарности (девальвация частных интересов, их стерилизация перед лицом «величия» национального целого, монопольно представляемого властями), которая парализует возможности политических изменений в России.

На вопрос (август 2009 года): «Как вы считаете, на ком прежде всего лежит ответственность за репрессии и потери нашей

страны в 30-е – начале 50-х годов XX века?» — 19 проц. ответили «на Сталине» и ровно столько же — «на государственной системе», но относительное большинство (41 проц.) не склонно разделять эти понятия и ответственность, объединяя Сталина и государство в одно целое (6 проц. считали виновными «врагов нашей страны» или называли еще какие-то другие причины, 15 проц. затруднились с ответом). Такая картина массовых воззрений соответствует персоналистскому представлению об истории и социальной организации авторитарного социума и подтверждает вывод о слабой дифференциации социальной системы в новейшей России.

Явный эффект пропаганды Сталина («расползание» этого пропагандистского пятна на поверхности массового сознания) сопровождается эрозией самого сталинского мифа о всемогущем диктаторе. Большая часть россиян не принимает такой модели национального правителя (см. пункты 6 и 7 в таблице 5 на с. 113), но, не имея достаточных ресурсов для сопротивления государственной точке зрения, закрывается от болезненности самой проблемы, от собственной моральной несостоятельности и невозможности своей, независимой моральной оценки прошлого и уходит в комфортную позицию «мы еще не знаем всей правды о Сталине и его действиях».

Таблица 7

С КАКИМ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ МНЕНИЙ ПО ПОВОДУ ЭТИХ РЕПРЕССИЙ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?			
	2007 г.	2011 г.	2012 г.
Это была политическая необходимость, они исторически оправданны	9	14	13
Это было политическое преступление, и ему не может быть оправдания	72	70	66
Затрудняюсь ответить	19	16	21

В % к числу опрошенных, N=1600

Такую позицию выбирают абсолютное большинство опрошенных — 68 проц.; к ним следует добавить еще 19 проц. «затруднившихся с ответом», итого — 87 процентов. Иначе говоря, это практически всеобщая реакция на травму национального сознания¹⁰.

Очень немногие россияне готовы следовать старой идеологической версии КПСС, сложившейся к XX съезду, которая представляла репрессии 1920–1950-х годов как историческую неизбежность в условиях враждебного окружения СССР или следствие острой «классовой борьбы» (см. таблицы 6 на с. 114 и 7 на с. 115). Сегодня большая часть опрошенных склонна расценивать массовые репрессии как политическое преступление, не подлежащее оправданию.

Однако, несмотря на признание бесчеловечного характера политики Сталина, основная масса населения России все равно не решается принять идею суда над Сталиным как носителем высшей власти, то есть признать персональную и правовую вину *руководителя государства* (а не частного, хотя и очень влиятельного человека), требующую юридической и моральной ответственности. В августе 2009 года социологи Левада-Центра задали вопрос: «Учитывая масштаб репрессий в сталинскую эпоху, согласны ли вы, что руководителя страны Иосифа Сталина следует считать государственным преступником?» «Согласны», ответили 38 проц., были не согласны с этим 44 проц. («в целом не могу так сказать» — 32 проц. + «совершенно не согласен» — 12 проц.); затруднились ответить — 18 процен-

тов. Иначе говоря, 62 проц. россиян отказались от признания необходимости дать государственно-правовую оценку сталинскому (=советскому) режиму.

Большинство россиян не хочет ни возвращения культа Сталина, ни даже его частичной реабилитации; они против восстановления его памятников, снесенных при Никите Хрущёве, и тем более — против установления новых монументов в его честь, которые предлагали возвести некоторые депутаты Госдумы к 65-летию Победы над Германией. Столь же недвусмысленно большая часть респондентов (54–59 проц. на протяжении десятилетия 2001–2010 годов) высказывались против возвращения Волгограду старого названия «Сталинград», несмотря на весь героический ореол Сталинградского сражения¹¹. Глубоко укорененный страх, который вызывает та эпоха, и затаенная антипатия к ее главному персонажу проявляется, среди прочего, и в откровенном нежелании жить и работать при таком руководителе государства, как Сталин (74 проц. опрошенных в 2008 году и 67 проц. в 2012-м).

Однако, несмотря на это, реакция населения на усилия кремлевской пропаганды вернуть Сталина в публичное пространство оказалась весьма парадоксальной. Возобладало, вопреки ожиданиям, равнодушие к самой проблеме: доля индифферентных выросла с 12 проц. в 2000 году до 44 проц. в 2008-м, причем среди молодежи, на которую, собственно, и были направлены усилия путинских

Таблица 8

КАК ВЫ ЛИЧНО В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ К СТАЛИНУ?					
	Положительно	Безразлично	Отрицательно	Не знаю, кто такой Сталин	Затруднились ответить + отказ от ответа
В среднем	28	33	23	1	16
Возраст					
18—24	21	41	19	3	17
25—39	20	37	26	2	15
40—54	25	33	26	1	15
55+	41	24	19	0	16
Образование					
Высшее	24	34	26	1	14
Среднее специальное	27	33	23	1	15
Среднее общее	28	32	21	2	18
Ниже среднего	34	31	19	0	16
Место жительства					
Москва	18	27	46	1	18
Большой город	26	28	24	1	20
Средний город	22	36	26	3	14
Малый город	30	39	16	1	14
Село	35	30	18	1	16
Пользование интернетом					
Новости + политика	21	35	31	1	13
Все цели	21	36	26	1	16
Не пользуются	29	8	43	4	15
Род занятий					
Предприниматель	16	24	27	3	30
Руководитель	30	40	21	-	9
Специалист	24	29	29	2	16
Служащий	20	38	23	1	18
Рабочий	24	38	24	0	14
Учащийся	14	44	22	5	14
Пенсионер	47	24	16	0	14
Домохозяйка	25	41	22	2	10
Безработный	23	26	22	2	28

Приводятся суммы ответов: положительное — «с восхищением»+ «уважением»+ «симпатией»; негативное — «с неприязнью, раздражением» + «страхом» + «отвращением, ненавистью».

Сентябрь 2012 года, N=1600, в % к числу опрошенных

политтехнологов и пропагандистов, такие ответы стали доминирующими — 59 процентов. За 20 лет отношение к Сталину поменяло знак — с резко негативной оценки до признания «положительной в целом» его роли

в истории страны. За десять лет путинского правления снизилось как число тех, кто позитивно, по меньшей мере с уважением, относился к Сталину (с 38 до 31 проц.), так и тех, кто относился к нему «с отвращением, нена-

Таблица 9

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ С СУЖДЕНИЕМ: 1) «СТАЛИН — МУДРЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ, КОТОРЫЙ ПРИВЕЛ СССР К МОГУЩЕСТВУ И ПРОЦВЕТАНИЮ»? 2) «СТАЛИН — ЖЕСТОКИЙ, БЕСЧЕЛОВЕЧНЫЙ ТИРАН, ВИНОВНЫЙ В УНИЧТОЖЕНИИ МИЛЛИОНОВ НЕВИННЫХ ЛЮДЕЙ?»						
	Мудрый руководитель			Жестокий тиран		
	Согласны	Не согласны	Затруднились ответить	Согласны	Не согласны	Затруднились ответить
В среднем	50	37	14	68	19	13
Пол						
Мужчины	52	35	14	65	21	14
Женщины	48	39	13	70	17	13
Возраст						
18—24	38	41	21	64	16	21
25—39	44	41	14	72	16	12
40—54	48	40	11	74	16	11
55+	61	27	11	60	27	14
Образование						
Высшее	45	43	13	71	19	11
Среднее общее	46	41	14	70	16	13
Неполное среднее, начальное	60	28	13	63	23	15
Тип поселения						
Москва	46	44	9	76	14	10
Большой город (свыше 500 тыс. человек)	44	44	12	71	19	10
Средний город	43	41	16	65	18	17
Малый город (до 250 тыс. человек)	52	33	15	71	15	15
Село	59	29	12	62	26	12
Семейный доход						
Высокий	45	43	12	74	14	11
Средневысокий	45	40	15	69	18	14
Средненизкий	54	35	11	65	23	12
Низкий	59	31	11	64	24	12
Затруднились ответить	49	32	19	63	18	19

2011 год; в % к числу опрошенных

вистью и страхом» (с 43 до 24 проц.). Тот же характер распределения мнений подтвердил и самый последний опрос на эту тему, проведенный в сентябре 2012 года (см. таблицу 8 на с. 116).

Различия в восприятии Сталина между разными социальными группами невелики, но они есть: среди молодежи в целом, среди обра-

зованных и городских жителей поклонников Сталина (относятся к Сталину «с уважением») или тех, кто разделяет «сталинский миф», несколько меньше, чем среди пожилых и малообразованных россиян, особенно сельского населения или населения малых городов. Дело не только в том, что бедная и депрессивная, стагнирующая — а местами деградирующая

— провинция является своеобразным хранилищем советских представлений, сколько в том, почему это происходит. Там, где социально-структурная, институциональная дифференциация подавлена, сложность жизни выражена в минимальной степени; там сохраняется примитивный, партикуляристский, преимущественно личный тип коммуникаций и институционального взаимодействия. Там цена человеческой жизни крайне низка (в том числе в буквальном смысле — стоимость жизни). Но именно там особое значение приобретают институты, компенсирующие эту неразвитость навязанными сверху — школой и телевизионной пропагандой — коллективными символами и представлениями. Напротив, в крупных городах укрепляются ценности индивидуализма как явления, сопутствующего усложнению социальной жизни, и это оборачивается неприятием сталинского мифа (а не просто безразличием к нему) (см. таблицы 8 на с. 116 и 9 на с. 117).

Соппротивление рационализации истории

Уже в 1990 году 62 проц. опрошенных заявили о том, что пресса, ТВ уделяют «критике сталинизма» и «разоблачению преступлений Сталина» слишком много внимания. Эта проблематика явно стала надоедать¹². В СМИ и выступлениях политиков отчетливо прозвучало: хватит очернять наше славное прошлое! По существу, эти мотивы никуда не уходили, оставаясь действенными инструментами дискредитации сторонников реформ и либералов. В феврале 2011 года группа правозащитников и политологов обратилась к президенту Дмитрию Медведеву с предложением широкой кампании «десталинизации», без которой провозглашенная Медведевым «модернизация России» и «становление правового государства» не могут быть осуществлены. С такими же идеями выступали и некоторые оппозиционные демократические

партии. В условиях начавшейся в России предвыборной президентской кампании политическая программа такого рода воспринималась российскими либералами как последняя возможность изменения государственной политики: не просто отход от путинского курса на «стабильность», а возвращение к тем реформам и планам демократического транзита, которые не были завершены в 1990-е годы правительством Бориса Ельцина. Эти инициативы вызвали яростное сопротивление как идеологов «партии власти» («Единой России»), так и коммунистов и националистов. Программа правозащитников была воспринята идеологической службой режима как провокация, нацеленная «на разъединение и развал общества», навязывание представлений о том, что «вся Россия — это большая Катынь», на раскол правящего класса и его партии «Единая Россия»¹³. Особенно резко против этой программы выступали коммунисты. Как писал один из историков, преподаватель философии, сторонник КПРФ, Михаил Ломаков, «сталинское правление учитывало менталитет русского народа, а власть либералов отторгается как чужеродная ткань». Называя медведевскую «модернизацию» «утопией», он утверждал, что «на фоне того, что произошло за последние 20 лет, советское время, прежде всего сталинская эпоха, выглядит если не идеальным, то романтическим временем, временем трудовых и боевых свершений. А символ этого времени — Иосиф Сталин». Он утверждал, что либералы хотят уничтожить Сталина потому, что понимают, что сегодня перед лицом угрозы полного подчинения Западу в стране есть социальный запрос на личность, подобную Сталину¹⁴.

Мотив опасности, исходящей от Запада, который навязывает России «демократию» для того, чтобы превратить ее в свою сырьевую колонию, повторяется и Путиным, и кремлевской пропагандой. Значительной

части российского населения он кажется убедительным, поскольку соответствует идеологическим стереотипам времен холодной войны, духу закрытого общества, который присутствует в нашей стране и сегодня, хотя и в ослабленном виде. Путинское руководство заинтересовано в сохранении подобных стереотипов и активно работает в этом направлении. Такой ход снижает значимость всех обвинений в адрес Сталина, «обезвреживает» критику Сталина, идущую еще от доклада Хрущёва на XX съезде КПСС. Самая простая тактика такого рода — поставить под

чекских «верхов», либо «действительных врагов народа», также был принят относительно небольшим числом опрошенных (18 проц. и 9 проц., соответственно, в 2007 году; 14 проц. и 10 проц. в 2011 году).

Цепочка аргументов, которые высказывают противники рационализации тоталитарного прошлого, сводится к следующему: критика Сталина, исходящая из лагеря либералов и демократов, строится на отождествлении коммунизма и советского режима с нацизмом, а это ведет к умалению величия Победы советского народа во Второй миро-

“В крупных городах укрепляются ценности индивидуализма, происходит усложнение социальной жизни, и это оборачивается неприятием сталинского мифа”.

сомнение сами обвинения либо очернить обвиняющих. Однако она была успешной лишь применительно к незначительным по масштабу группам убежденных сталинистов, в основном пенсионеров, как правило бывших функционеров (партийных активистов) или бюрократов. С тем, что «сталинские репрессии» — это «выдумка, имеющая целью опорочить великого вождя», согласились лишь 16 проц. россиян (1996 год; 5 проц. — в 2007 году). Но на вопрос: *«Согласны ли вы с тем, что масштабы репрессий во времена Сталина сильно преувеличены?»* — утвердительно отвечали уже около трети всех опрошенных (29 проц. в июле 1996 года), хотя не соглашалось с этим мнением заметно большее число — 43–49 процентов. (Было бы странным, если бы несогласных было меньше, поскольку террор захватил значительную часть населения: даже 15 лет спустя, в 2011 году, 28 проц. опрошенных ответили, что в их семьях были репрессированные.) Другой вариант защиты — утверждения, будто репрессии были связаны лишь с «чистками» в партии и касались либо в основном полити-

вой войне и оскорблению памяти павших защитников отечества, священной для выживших и последующих поколений. Этот мотив очень существен для сохранения национальной идентичности современной России. Такой демагогический ход (подмена тезиса о сходстве или общности двух режимов обвинениями в оскорблении ветеранов и кощунстве по отношению к национальным символам) возможен только при наличии непреходящей, но и не рационализованной памяти о коллективном насилии, в которой национальная гордость и травма сталинизма образуют неразрывное единство и язык для идеологии национального самоутверждения («комплекс жертвы») ¹⁵.

Данные массовых опросов не показывают истерической реакции на этот тезис, характерной для консервативных идеологов. На вопрос: *«Можно ли, по вашему мнению, говорить про общие черты в тех государственных системах, которые построили в 30-е годы XX века Сталин в Советском Союзе и Гитлер в Германии?»* — 11 проц. ответили, что, «конечно, в них есть много общего», еще 32 проц.

Таблица 10

КОГО, КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЛЕДУЕТ ОТНОСИТЬ К ЖЕРТВАМ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ?	
Всех осужденных по политическим статьям	71
в том числе: только расстрелянных по этим статьям	9
Осужденных за то, что попали в плен во время войны	45
Членов семей осужденных по политическим статьям, высланных с постоянного места жительства, уволенных с работы или ограниченных	42
Раскулаченных	38
Осужденных с нарушениями обычной судебной процедуры («тройками» или в ускоренном судебном порядке)	36
Спецпереселенцев (включая репрессированные народы)	29
Осужденных за нарушения трудовой дисциплины (опоздание на работу более 20 минут и т. п.)	25
Членов семей осужденных по политическим статьям, не пораженных в правах	10
Затрудняюсь ответить	11

Апрель 2011 года; в % к числу опрошенных

согласились с тем, что «да, в них есть отдельные общие черты», 19 проц. не нашли ничего общего между этими режимами, и лишь еще 22 проц. категорически возражали против подобного сопоставления – «сравнивать СССР и нацистскую Германию, Сталина и Гитлера совершенно недопустимо» (16 проц. затруднились с ответом). Другими словами, готовность к символической и психологической защите сверхценного персонажа, снятию с него ответственности проявляет относительно небольшая часть российского общества.

Для общественного мнения гораздо важнее в функциональном плане тезис о том, что репрессии были тотальными и социально ненаправленными, что они охватывали *все категории населения* и социальные группы. (Иначе невозможно удержать тезис об иррациональности террора.) Поэтому на вопрос (апрель 2011 года): «Кто, на ваш взгляд, подвергался репрессиям в 1937–1938 годах?» – лишь 11 проц. заявили: «Те, кто был явно или скрыто настроен против советской власти», еще 8 проц. – «Наиболее преданные сторонники советской власти», 23 проц. дали ответ – «Наиболее способные и авторитетные люди», но относительное большинство –

48 проц. опрошенных сказали: «Все без разбора, по произволу властей или доносам». Иначе говоря, преступления советской власти совершались, по мнению большей части населения, именно против всего народа, а не какой-то отдельной группы. Жертва – народ в целом. Причем важно, что массовое сознание не склонно относить к пострадавшим от репрессий только тех, кто попал в эту мясорубку лишь в годы большого террора; люди в массе своей понимают репрессии гораздо шире и включают сюда и военнопленных, и раскулаченных, и спецпереселенцев, и членов семей репрессированных (см. таблицу 10 на с. 120).

Поэтому для абсолютного большинства россиян не возникает затруднений, когда их спрашивают: нужна «программа десталинизации» или нет? Все без исключения пункты этой программы российское общество признает как необходимые, а саму программу как давно назревшую (см. таблицу 11 на с. 121).

Изменения социально-культурного фона постсоветского общества

Но именно поэтому вопрос: что стоит за расширяющимся признанием «величия Сталина»? – требует ответа. Более ранние

Таблица 11

ВЫ БЫ ЛИЧНО ПОДДЕРЖАЛИ ИЛИ НЕТ...			
	Да	Нет	Затруднились ответить
Увековечивание памяти жертв репрессий (создание Книг памяти жертв тоталитарного режима, установка во всех крупных городах и в местах гибели памятников жертвам репрессий)?	70	19	11
Социальную поддержку ныне живущих жертв репрессий?	78	12	10
Государственную политико-правовую оценку практики массовых репрессий?	64	14	22
Рассекречивание архивов о массовых репрессиях?	68	18	14
Завершение процесса юридической реабилитации граждан, осужденных по политическим мотивам в разные периоды советской истории?	72	13	15
Принятие закона, запрещающего увековечивать в названиях населенных пунктов, улиц и площадей память лиц, несущих ответственность за массовые репрессии?	53	25	22

N=1600, май 2011 года, в % к числу опрошенных

интерпретации этих фактов: сокращение фактического знания о сталинской эпохе, имморализм российского общества, слабость моральных авторитетов, государственный сервилизм и «молчание» профессиональных историков, общий оппортунизм образованных слоев, а также эффективность кремлевской пропаганды, нуждающейся в освящении нынешнего коррумпированного режима заимствованным «величием» прошлого, и прочее — справедливы, но недостаточны¹⁶. Они не объясняют самого механизма возвращения Сталина и вытеснения практик государственного террора из массовой памяти, из сферы публичности.

Рассмотрим контекст произошедших за 20 лет изменений, выделив пять наиболее значимых для нашей темы моментов:

1. Две переменны политических режимов: советская политическая система рухнула и заместила ельцинским правлением, условно говоря, «переходным к демократии», которое, в свою очередь, после кризиса 1998 года сменилось путинским авторитаризмом. Смены типов господства сопровождались циркуляцией и перетряской персонального

состава элит, вектором идеологии и, соответственно, характером легитимации политической власти. За установлением авторитарного режима, естественным образом, последовало вытеснение политики из общественной жизни и восстановление привычного состояния «наученной беспомощности» масс.

2. Ушло — не в демографическом, а в общественном смысле — поколение, жившее и в сталинское, и в последующее советское время, а значит, обладавшее личным опытом, непосредственным, повседневным знанием той эпохи. (Жили и помнят это время сегодня 6 проц. населения, многое слышали от старших и знают об этом 13 процентов.) Это знание (в силу закрытости общества и отсутствия необходимых интеллектуальных средств) не стало, и не могло стать, предметом публичной рефлексии, моральной и социологической рационализации прошлого. Взгляды и ценности этого поколения перестали быть значимыми для молодых. Соответственно, увеличивается доля опосредованного, препарированного знания.

3. С распадом советской системы закончилось существование двусмысленной

Советская интеллигенция как социальный феномен

Советская интеллигенция (или, точнее, советская репродуктивная бюрократия) как особое явление стала заметной лишь после войны, хотя сами институциональные предпосылки для ее функционирования (новые, идеологизированные образовательные учреждения) были созданы уже в середине 1930-х годов. Первый поток советских «специалистов» (учителей, профессоров, редакторов, журналистов и другой продукции новых, коммунистических вузов), с характерными для них идентичностью «строителей нового общества», изоляционизмом, директивным, «проектным» и антиисторическим образом мысли, принципиально отличался от людей, получивших дореволюционное университетское образование. Эти выпуски в значительной степени были «вымыты» войной и чистками 1930—1940-х годов. Потребовалось время, чтобы заново запустить во второй половине 1940-х—начале 1950-х годов «производство» советских интеллигентов. Второй поток был представлен поколением людей, которые

видели 1937 год и пережили войну, шок XX съезда и подавление венгерского восстания, а затем и поражение Пражской весны. Их отличал особый опыт выживания и готовность к приспособлению; они не знали и не могли мечтать о другой жизни, кроме жизни в закрытом обществе. Интеллигентская культура отличалась своеобразной двойственной структурой: большая часть ее представителей занималась обслуживанием власти (подготовка кадров, оправдание власти и ее политики, цензура, технологическое обеспечение массового управления и т. п.); но для предъявления ее — коллективных или институциональных — претензий на значимые социальные позиции интеллигенции требовалась известная степень автономности, защита этого статуса и признание со стороны власти значимости знаний, культуры, продуктивности, без которых собственный авторитет интеллигенции сводился к нулю, то есть был бы ограничен лишь функцией исполнения начальственных указаний. Дело не в том, что определенная часть интеллигенции искренне

и бескорыстно боролась за свободу духа, слова и мысли; дело в том, что за возможностью признания этих ценностей стоял вполне определенный корпоративный и социальный интерес: только при условии утверждения этих ценностей и компетенций в обществе (и усвоении этой мысли даже советским начальством) желаемый высокий социальный статус, авторитетность и престиж (вместе со всякого рода привилегиями, материальными благами, премиями и наградами) мог быть достижим хотя бы для части интеллигенции. Поэтому наряду с искренним холопством интеллигенции в ней всегда присутствовал периферийный слой носителей высокой культуры, потребность в «учителях жизни», сознание необходимости «совести нации», как называли подобных персонажей, правда, обычно после их смерти. Благодаря этой двойственности интеллигентской культуры в обществе удавалось сохранять некоторое подобие моральных координат реальности, которые после ее ухода подверглись стремительной эрозии.

интеллигентской культуры 1960—1980-х годов с ее специфическим сервиллизмом и сопротивлением государственному насилию; именно она была держателем нормы гуманизма в советском обществе (см. подверстку на с. 122); с крахом интеллигенции резко ослабла культура страха и памяти. Специфическая интеллигентская культура послесталинской эпохи возникла (одновременно с критикой «культы личности»¹⁷ Сталина) в качестве самообоснования репродуктивной бюрократии советского времени. Стимулами для

осмысления опыта прошлого стала война, вина власти за поражения первых лет, за громадные потери и безжалостное растрачивание людей,говор Сталина с Гитлером и тем самым — провоцирование войны, безответственность руководства на всех уровнях, стремление определить цену сохранения советской власти. Носителем этой культуры было не само военное поколение, а непосредственно следующее за ним — рождения 1930—1940-х годов¹⁸. Лишь этот единственный слой производил «понимание» совет-

ской истории. Интеллигенция держалась до тех пор, пока сохранялась советская власть, которая обеспечивала ее существование, а затем этот слой рассыпается, деградирует и интеллектуально и морально и исчезает, оставляя за собой пространство цинизма и недоразумения. Распад государственной организации культуры и замещение ее массовой культурой (это два независимых друг от друга процесса, не связанных причинно-следственными отношениями) привели к разрушению связей между центром и периферией, к изменениям в механизмах передачи образцов от «интерпретаторов» или носителей высокой культуры к реципиентам — потребительским группам, зависимым в интеллектуальном и моральном плане.

Следствием подобных изменений оказалась устойчивая тенденция к общей примитивизации общественной жизни. Как показывают социологические исследования, определенное — и более проработанное — отношение к Сталину сохранилось лишь у тех, кто сознает опасность повторения репрессий, кто боится их. Лишь у них — поскольку они способны учитывать исторические уроки — сохраняется историческая память о той эпохе и характере советской системы; понятно, что это образованные, пусть даже и поверхностно образованные, группы, обладающие некоторыми интеллектуальными средствами рефлексии и культурными ресурсами; они более встревожены ситуацией в стране, более критически относятся к нынешней власти, понимая потенциал исходящей от нее угрозы¹⁹. Поэтому после ухода интеллигентской культуры, в образовавшейся пустоте идей и представлений о будущем, уже при Путине, в окружении которого особую роль играли бывшие сотрудники КГБ (родившиеся позже, в начале 1950-х годов, прошедшие социализацию в условиях брежневского безвременья, реакции и наступившей деморализации), в идеологической

практике воцарился дух мстительного консерватизма, реванша и демонстрации наглой силы.

4. Наряду с изменениями в институциональной системе общества произошли изменения и в структуре механизмов и каналов репродукции исторической памяти. Каналы информированности (знания) — это не случайные «путепроводы» исторических сведений, а институциональные средства воздействия на общество (социализация, идеологическая индоктринация или, напротив, нейтрализация определенных взглядов и мнений, стерилизация и вытеснение страшного опыта сталинского времени). Изменение в их структуре непосредственно отражается на характере массовых представлений и оценок прошлого. Во-первых, сократился до минимума удельный вес письменной культуры — художественной литературы, исторической публицистики, дававших ранее основную долю критической интерпретации сталинской эпохи²⁰. Во-вторых, пропорционально этому сокращению вырос объем школьных знаний о сталинской эпохе, препарированных и идеологизированных в соответствии с установками власти, а потому — скучных, безжизненных, оторванных от этических проблем молодого поколения²¹. В-третьих, основная роль производства представлений о сталинском времени перешла к государственным каналам телевидения, где историческая эпоха зачастую представлена в форме «глянцевого», мелодраматической череды событий частной жизни, разыгрываемых на фоне иррационального и беспричинного общественного террора²². В-четвертых, резко вырос объем и влияние массовой исторической паралитературы и гламурной продукции, выстраивающей освещение исторического прошлого по моделям авантюрной, конспирологической или развлекательной и «желтой прессы»²³. Распространение, хотя масштабы его и не следует переоценивать,

получили работы о Сталине, написанные в канолах националистической (конспирологической, антисемитской или антизападной) или бульварной, авантюрной прессы²⁴.

В конечном счете сталинская эпоха откладывается в массовом сознании как время диффузного, беспредметного, иррационального ужаса. Оттого, что государственная организация общества, живущего в условиях террора и массовых репрессий, остается вне рамок публичного рассмотрения, теряется и самый смысл террора и репрессий. Иначе говоря, в массовой культуре нынешнего времени, путинской стабильности (а значит — и в массовом сознании) репрессии поданы в качестве инициатив отдельных «плохих людей», как проявление частных корыстных интересов (разного уровня — от сталинской «паранойи» и карьерных интриг до доносительства соседей, стремящихся захватить комнату в коммуналке). Самое важное, что производится этой поточной продукцией, — это отсутствие в представлениях о сталинской эпохе идеи социального взаимодействия, а стало быть, подавление понятия субъективной ответственности за те или иные поступки и действия. Мир, реальность в этой картине непредсказуемы, поскольку не подчиняются воле и разуму отдельного индивида. Ощущение тотального страха или неопределенной угрозы, идущей отовсюду, опасности, исходящей от любого представителя власти, партийного функционера или сотрудников органов, коллег по работе, желающих выслужиться перед начальством, случайных попутчиков и т. п., не только отражает сегодняшнее массовое знание о репрессиях того времени, но и переносит на него современное сознание рядового обывателя, который живет с ощущением своей уязвимости, правовой и социальной незащищенности от окружающего произвола. Именно в контексте такой системы восприятия реальности возникает или принимается мас-

совым сознанием фигура экстраординарного вождя — всевластного и всемогущего руководителя огромного государства, охватывающего взором все происходящее в стране.

Подобная интерпретация времени террора и лишнего смысла государственного насилия резко отличается от понимания сталинского периода в тех странах (Центральной и Восточной Европы), где усилиями политиков, юристов, философов, историков, правозащитников прошли рационализация и глубокое переосмысление прошлого. Там темой или предметом изображения все чаще оказывается не только государственная машина, бездушная «система», отбирающая во власть догматиков и конформистов, садистов или слепых исполнителей чужой воли, но и соблазн «зла» — обаяние или притяжение тех идей и коллективных мифов, которые обернулись апологией принуждения и причиной общей моральной и культурной деградации тоталитарных обществ (национализма, марксизма и проч.). «Хорошие» или «обычные люди» поданы авторами ТВ-сериалов как пассивные жертвы обстоятельств, которые они не в состоянии контролировать и тем более изменять. Телевизионные передачи на «исторические темы», сталинские сериалы оставляют за рамками внимания и сюжетного нарратива несколько вещей, принципиально важных для осмысления прошлого: характер и структуру социальной организации советского общества сталинского времени, номенклатурный принцип власти (сращения партии и государства), функции идеологии, социальную направленность репрессий и другие особенности функционирования тоталитарных режимов. При этом теряется главное — субъектность представлений об истории (история как взаимодействие различных действующих лиц) и, следовательно, институциональная природа государственного насилия и его последствия для морали общества (оснований общественной солидарности).

Разумеется, жанр сериала и не предполагает такой глубины осмысления; существенно, однако, что глубинное осмысление отсутствует и в современной российской литературе более высоких жанров, а также в политическом дискурсе, отчего сериалы о сталинском времени падают в концептуальную «пустоту». Акцент на «психологических» драмах и переживаниях маленьких людей оборачивается мелодраматизацией истории, лишает зрителя, читателя, реципиента этой медиальной продукции интеллектуальных средств понимания особенностей той эпохи, общих рамок

в том числе и представлений о прошлом. Всплывает нуминозный пласт сознания — представления о несоизмеримой с человеком мощи и силы государства, сакрализация власти как символического воплощения коллективных ценностей и ничтожности в сравнении с ним, неценности частного, индивидуального человеческого существования, получающего свой смысл только в обратной проекции на него значений государства. Примечательно, что при таких аберрациях сознания образы прошлого четко отделяются от настоящего, разрываются отношения

“В массовой культуре нынешнего времени репрессии поданы в качестве инициатив отдельных «плохих людей», как проявление частных корыстных интересов”.

ее интерпретации. История вроде и «есть», знакомые еще по школе события проиллюстрированы костюмированными актерами, но суть тех событий, ценностно-эмоциональный акцент и соотношение моральных оценок смещены или отодвинуты на дальний план. Возникает эффект вытеснения определенных, значимых звеньев происшедшего, ведущего к деперсонализации жертв и разидентификации с ними, бесчувствия к ним или отсутствия к ним вообще какого-либо отношения. Это явление немецкие психоаналитики Александр и Маргарет Митчерлих назвали «дереализацией прошлого»²⁵. Дереализация не означает полное исчезновение прошлого, но всегда — его переформатирование, переконструкцию, как правило производимую по лекалам или шаблонам мифа (когда причина и следствия многократно меняются местами, а действующий персонаж превращается в пассивную жертву непреодолимых сил и обстоятельств). Поэтому дереализация прошлого (устранение субъективной ответственности) сопровождается резким упрощением или — что то же самое — архаизацией созна-

эмпатии между зрителем и героями исторического изображения.

Дискуссии о сталинском прошлом, которые идут в академических научных или университетских кругах, носят несколько стерильный характер, то есть не выходят в публичную сферу, не ставят своей целью воздействовать на общественный дискурс и менять характер массового понимания того времени. В массовых представлениях со времен перестройки установился консенсус относительно Сталина как крупнейшего советского государственного деятеля, продолжателя ленинской политики «диктатуры пролетариата» и создателя мощного репрессивного государства, внутрипартийного аппаратного интригана и организатора массового террора и т. п. И одновременно здесь же обнаруживается сильнейшее сопротивление любым попыткам ввести изучение сталинизма в контекст сравнительно-типологического анализа режимов тоталитарного типа. Инициатива изучения сталинизма перешла к общественным организациям, среди которых ведущее место, бесспорно,

принадлежит «Мемориалу», и отдельным независимым историкам (таким, например, как Олег Хлевнюк, Сергей Красильников, Владимир Хаустов и их коллегам), связанным с зарубежными фондами и университетами и, естественно, предлагающим трактовки истории, отличные от официальных. Огромную работу ведет негосударственное издательство РОССПЭН, выпускающее многотомную серию работ отечественных и зарубежных историков и политологов «История сталинизма» (за последние годы вышло несколько десятков книг), но тираж этих работ обычно

тем самым специфика тоталитарного общества, «партии-государства» вытесняется из сферы актуальной публичности. По существу, на сталинское время переносится модель самопонимания человека путинского времени, обесцененная, обезличенная стихия социальности, характерная для нынешнего режима. Именно «иррациональный» характер истории (и «суверенизация» всей сферы власти) защищает нынешний режим от рационально-прагматической критики: «брюзжание недовольных» не касается сущностной стороны значений власти, а лишь указывает

“Путинский режим — это консервативная реакция на период институциональных изменений и массовой фрустрации, вызванной сломом советской системы”.

не превышает одну-две тысячи экземпляров, они дороги, а потому малодоступны для преподавателей школ и университетов, особенно в провинции, где уровень жизни в два-три раза ниже, чем в Москве. Такой же высокой оценки заслуживает и работа Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий Александра Николаевича Яковлева, выпустившей под эгидой Международного фонда «Демократия» свыше семидесяти томов документов и материалов о сталинской эпохе.

Однако перечисленные выше работы всегда оказываются в тени и малоизвестны широкой публике. Во всяком случае, по сравнению с влиянием, известностью и признанием их коллег за рубежом, общественное влияние академических историков в России более чем скромное.

В результате имеет место специфическая «разгрузка» — тривиализация или банализация представлений о советском прошлом, которое моделируется по сегодняшним лекалам зависимого от власти человека; более того, прошлое превращается в набор отдельных сцен и картин *бессубъектной истории*, и

на несоответствие эмпирических проявлений власти ее скрытым смыслам. Тем самым произвол становится нормой отношения поданных к власти и к самим себе ²⁶.

5. В 2000-е годы в России формируется «общество потребления», которое характеризуется коротким временным горизонтом, ценностными императивами «здесь и сейчас» ²⁷. Идеология общества потребления противоречит и разрушает этос мобилизационного общества и его структуры. Мотивация и смысл «потребления» в 2000-е годы мало связаны с GRATIFIKACIEY личного труда, напротив, в очень большой степени потребительская мораль стала выражением «подавленных» или «отложенных желаний» родителей нынешних потребителей, проживших свою жизнь в условиях социалистической уравниловки и принудительного аскетизма планомерно-распределительной экономики. От их образа жизни молодое поколение стремится всячески дистанцироваться как от «совкового прошлого», идентифицируя себя с жизнью в «нормальных странах». Неконвенциональное прошлое (то

есть такое, которое лишено символической связи с величием национального целого — без георгиевских ленточек и «спасибо деду за Победу») в нынешней гламурной культуре оказывается не функциональным и избыточным, более того — порождающим дискомфорт и диссонанс в массовых установках на потребление. Оно выпадает из значений реальностей настоящего. Ненужной оказывается сама модальность, связанная с необходимостью осмыслить травматический опыт прошлого (в том числе национального стыда и страха). Отказ от прошлого означает, что будущее предстает как бесконечная или многократная итерация настоящего (с повышением качества потребления). Такой тип ценностных регулятивов делает ничтожной значимость культуры, а вместе с ней и представления о более сложных запросах и понимании жизни, чем нормы потребительского образа жизни. Нынешняя деэтизация ценностных запросов и ориентаций (ослабление идеологии государственного патернализма в среде самых продвинутых групп населения) в сочетании с сознанием подавленных возможностей политического участия легко соединяет потребительский гедонизм с готовностью уживаться с авторитарным режимом. Другими словами, идет общая ювенилизация жизни (в том числе инфантилизация коллективной, публичной жизни).

Явление «общества потребления» российского образца указывает на то, что возник диссонанс, люфт, разрывы между новыми сферами социальной жизни (рыночной экономикой, массовой культурой, моделями потребления) и центральными институтами тоталитарной системы, которые остались практически не затронутыми крахом коммунизма: полицией, судом, массовым образованием, в целом организацией власти, неподконтрольной обществу.

Подобный ценностный сдвиг, произошедший во второй половине 1990-х годов (а

не просто плохое преподавание истории в школе, на которое нередко ссылаются преподаватели вузов), разорвал историческую преемственность поколений в постсоветское время. Это не случайное обстоятельство или частный процесс, а проявление специфической, *префривистой* структуры российской истории. Юрий Левада назвал эту особенность «короткими рядами традиции»²⁸, когда смена политического режима влечет за собой изменение всей институциональной организации культуры, а значит, и всего воспроизводимого ею (организацией культуры) микрокосмоса смысловых значений, ценностей, представлений и т. п. При такой структуре социокультурного процесса мы имеем дело не с аккумуляцией культурных продуктов, идей, знания, рационализацией социального опыта и его исторической и моральной проработки, а практически полным и одномоментным замещением, стерилизацией памяти предшествующего поколения, забвением истории. Это не развивающееся или усложняющееся общество, а общество повторяющееся, воспроизводящее механизмы интеллектуальной и моральной самокастрации.

Характер и функции персоналистского мифа

Путинский режим — это консервативная реакция на предшествующий период институциональных изменений и массовой фрустрации, вызванной сломом коммунистической и советской системы. Распад СССР, сопровождавшийся утратой ориентиров и неуверенностью населения в завтрашнем дне, нанес сильнейшую травму коллективной идентичности, вызвал массовое чувство ущербности и неполноценности. Поэтому апелляция к великому прошлому империи и к ее традициям («пропаганда патриотизма и национального возрождения») стала важнейшей частью легитимизации путинского

режима. Центральное место среди символов Великой Державы занимает победа во Второй мировой войне и Сталин как ее главнокомандующий, как создатель этой сверхдержавы, пусть даже и самыми свирепыми и жестокими средствами. Дополнительное значение имеет и обращение к другим символическим суррогатам традиции: заигрывание с Русской православной церковью, в меньшей степени с другими религиозными конфессиями, допущенными к обслуживанию власти. (Не случайно внутри Русской православной церкви периодически возникают разговоры о желательности церковной канонизации Сталина.) Потребность в догматических опорах, в ценностных суррогатах морали или метафизики, идеологии (будь то церковная практика, суеверия самого разного рода, блуждающие конспирологические мифы, национализм и ксенофобские предрассудки или вера в доброго царя и государственный патернализм) в ситуации длительной массовой аномии и социальной дезорганизации чрезвычайно велика. Она принимает сегодня самые разные формы: именно этой потребностью объясняется как общественная поддержка цензуры в интернете и репрессивных законов против «кошунства» и «экстремизма», так и одобрение религиозного образования в школах. В этой же плоскости лежит и общее представление о том, зачем нужна история и как ее надо преподавать молодому поколению. Лишь 28 проц. россиян заявили, что целью обучения истории в школе должно быть «правдивое изложение фактов, без прикрас и умолчания» о темных сторонах отечественного прошлого; 16 проц., напротив, настаивали, что назначение истории — воспитание в школьниках патриотизма и гордости за свою родину и государство; основная же масса — 48 проц. — предпочитала соединение изложения основных событий истории с патриотическим воспитанием молодежи.

Миф нового времени, в отличие от других систем легитимации (например, легального порядка), обеспечивает «сакрализацию» лишь тех социальных форм, которые имитируют или замещают традиционные институты и установления. Миф как способ легитимации, как идеологическая санкция невозможен в сферах рационально-инструментального действия: в экономике, науке, технологии, но он становится функционально неизбежным, когда усилия главных действующих лиц, исторических актеров, направлены на обеспечение авторитета власти, артикулируемого в персоналистских терминах. Такой «авторитет», опирающийся на миф, должен подавить любые «современные» претензии на авторитетность и стерилизовать возможность выдвижения альтернативных авторитетов, будь то через выборы, гражданскую активность и пр. А это означает признание экстраординарности политического деятеля, выведение его из зоны допустимой критики, соперничества, его несопоставимость с другими политиками, соперниками, конкурентами, альтернативными партиями и движениями. Средствами подобной стерилизации политического поля, зоны господства, может являться табуирование критического обсуждения власти, ее оснований, легитимности, эффективности и законности ее действий, то есть ее полная защита от критики, что, в свою очередь, ведет к уничтожению самой идеи, а стало быть, и выхолащиванию формальных механизмов смены власти.

Другим способом стерилизации политического поля является наделение власти такой легитимностью (легитимация абсолютного господства), которая не предполагает наличия у нее целевого и прагматического назначения, а также правовых границ. Такая власть не подлежит контролю со стороны каких-либо других инстанций, социальных групп или сил. В условиях мас-

совизирующегося общества (а значит, чисто бюрократического управления, непрерывного производства управленческих целей, решений по их достижению и контролю за выполнением этих решений) легитимация власти через традиционные санкции и ритуалы или через процедуры признания личностной харизмы невозможны. Подобный тип авторитета в современных условиях выглядит откровенно архаическим, примитивным, экстраординарным и не может воспроизводиться в длительной перспективе. Современный «миф» или мифопо-

частностей. Только благодаря постоянным изменениям в интерпретациях конструкции «Сталин» (при сохранении доминанты «суверенной», то есть неконтролируемой и не отвечающей ни перед кем власти) функциональная значимость сталинского мифа сохраняется в разных периодах времени.

Таким образом, авторитет Сталина представляет собой довольно сложную смысловую композицию: она фиксирует ключевые ценностные моменты навязываемой обществу структуры массовой идентичности мобилизационного, закрытого и репрессив-

“На основании имеющихся у них знаний о массовых репрессиях, невинных жертвах и т. д. люди не готовы счесть преступной саму советскую систему”.

добная форма легитимации работают как суггестивный механизм редукции к прошлому, к архаическим значениям и пластам культуры. Самое важное здесь — именно переработка предшествующих комплексов представлений, изменение акцентов в отношениях между персонифицированным носителем высшей власти и адресация к прошлым структурам отношений, которые власть хотела бы утвердить, а не то или иное смысловое наполнение фигуры Сталина и конкретизации его политики. Поэтому его появление следует рассматривать и как симптом наступившего разрыва в практике легитимации власти, и как средство преодоления этого разрыва времен, средство рутинизации политической системы господства. Это механизм «рубцевания» мест связи отдельных отрезков времени, легитимизации господства и, одновременно, вытеснения прошлого. Но для того, чтобы этот комплекс представлений мог быть значим за пределами отдельных политических кризисов, он должен быть основательно «очищен» от конкретных деталей и исторических

ного социума, нацеленного на подавление процессов структурно-функциональной дифференциации и утверждение автономности отдельных институтов. Эти представления уже не привязаны собственно к персоне Сталина; они транслируются и воспроизводятся через весь контекст интерпретаций актуальных событий героического прошлого, легенды советского государства, ее важнейших моментов (войны, формирования сверхдержавы), с которой обязательно ассоциировалось и связывалось имя Сталина. Уже после 1953 года, а особенно после «разоблачения культа личности», инициированного Хрущёвым в 1956 году, партийным идеологам удалось привязать проблематику тоталитарного режима (террор, институты репрессий, двойной характер социальной организации общества-государства, природе коммунистической идеологии и проч.) собственно к «личности» Сталина. Это было достигнуто путем устранения из описанной выше конфигурации значения собственно «личностного компонента» (исторически конкретного Иосифа Джугашвили-Сталина),

благодаря чему проблематика значения, содержания, характера власти была выведена за пределы общественного обсуждения и сама система власти сохранилась в почти неизменном виде.

Проблема преодоления сталинского мифа заключается не в том, что люди не знают о преступлениях Сталина, а в том, что они не готовы на основании имеющихся у них знаний (вполне достаточных, как показывают результаты опросов) о массовых репрессиях, невинных жертвах и т. д. счесть преступной саму советскую систему. Неприятие, даже внутреннее сопротивление самой идее сочувствия, идентификации с жертвами государственного террора, родственное массовому нежеланию участвовать в политике, тем более отвечать за действия властей или противостоять им, является источником коллективного имморализма. В российском обществе сегодня нет общепризнанных моральных и интеллектуальных авторитетов, способных поставить советскому государству такой диагноз. Население само по себе не в состоянии рационализировать и осмыслить как прошлое страны, так и природу нынешнего режима,

который постепенно становится все более коррумпированным и репрессивным. Поэтому знание о сталинских репрессиях вызывает фрустрацию, следствием которой оказывается общественная пассивность, прострация и желание об этом «забыть». Собственно, именно такой результат и был целью путинской технологии господства: отсутствие моральной ясности и массовая апатия, ставшие основой авторитарного режима.

Растущее признание Сталина в качестве великого национального деятеля не означает восстановления его «культы», преклонения перед «харизматическим» вождем, характерного для тоталитарных режимов. Миф о Сталине существует за счет непреодолимого комплекса национальной (коллективной) неполноценности, инфантильной неспособности к ответственности и потребности в «подростковой» причастности к демонстрации силы. Но основания для этой причастности могут быть найдены только в прошлом, которое необратимо. Забывая о цене сталинского времени, россияне пытаются удержать безвозвратно уходящие символы национальной славы. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Последний пример такого рода — выступление Путина на заседании Совета безопасности в октябре 2012 года, заявившего: «Нужно совершить такой же мощный комплексный прорыв в модернизации оборонных отраслей, как это было в 30-е годы прошлого века» (цит. по: www.gazeta.ru/politics/2012/08/31_a_4747493.shtml). См. также: <http://globalconflict.ru/analytics/5276-putin-xochet-modernizaciyu-kak-u-stalina>

² Дэвид Гросс подчеркивает, что мифы — это объективации воззрений и верований группы; они не могут быть ни истинными, ни ложными (поэтому их нельзя опровергнуть), а также — быть представленными в детализированном виде (разделенными на части), их назначение быть *значимыми*, быть образами действия (*action-images*). См.: Gross D. Myth and Symbol in Georges Sorel //

Political Symbolism in Modern Europe / S. Drescher, D. Sabeau, A. Sharlin (eds). N. Y., 1982. P. 104–105.

³ См., например, анализ запросов на «твердую руку» в момент прихода к власти Владимира Путина: Гудков Л., Дубин Б. Российские выборы: время «серых» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 2. С. 17–30.

⁴ Открытый вопрос (опрашиваемые сами, «без подсказок», называли тех или иных персонажей). В аналогичном исследовании 2000 года, касающемся главных фигур *мировой* политики в XX веке, Сталин стоял уже на втором месте после Владимира Ленина (которого назвали 65 проц. опрошенных); Сталина и Гитлера называли равное число респондентов (по 51 проц.), далее шел Михаил Горбачёв (42 проц.), Никита Хрущёв,

Мао Цзэдун, Уинстон Черчилль, Джон Кеннеди, Маргарет Тэтчер и другие. Описание структуры символов массового сознания и анализ их изменений как отражения трансформаций, происходящих в посттоталитарном обществе, является одной из задач многолетнего исследовательского проекта «Советский человек», инициированного Юрием Левадой в 1989 году. В рамках этого проекта социологи периодически, с интервалом в 4–5 лет (в 1989, 1994, 1997, 2003, 2008 и 2012 годах) задавали вопрос о великих людях в отечественной и мировой истории, репрезентирующих наивысшие достижения и ценности российской культуры и тем самым выступающих как основания для сплочения общества. Все приводимые здесь и далее данные получены в ходе общенациональных репрезентативных опросов, проводимых исследовательским коллективом ВЦИОМ, образовавшим в 2003 году «Аналитический центр Юрия Левады».

⁵ В первых замерах Сталин, в сравнении с другими «деятелями времен революции и гражданской войны», вызывал самую сильную антипатию; в 1990 году о нем в таком ключе отзывались 49 проц. опрошенных; для сравнения: Нестор Махно и Александр Керенский — по 19 проц., Александр Колчак — 22 проц., Лев Троцкий и Николай II — по 10 проц., Ленин — 5 проц., Феликс Дзержинский — 4 проц. и т. п.; среди тех революционеров, кто, напротив, вызывал «симпатию», первые позиции занимали: Ленин — 67 проц., Дзержинский — 45 проц., Николай Бухарин — 21 проц., Троцкий — 15 проц., Махно — 8 проц. и лишь затем Сталин — около 8 процентов. В последующих замерах установки по отношению к Сталину изменились: в последнем по времени опросе такого рода (2007 год) симпатию к нему испытывали 15 проц. опрошенных, антипатия, напротив, уменьшилась до 29 процентов.

⁶ Оценивались такие периоды, как правление Николая II, революция и гражданская война, правление Ленина, Сталина, Хрущёва, Брежнева, Горбачёва, Ельцина и, в последних замерах, время Путина.

⁷ Путин первым из ведущих политиков России поднял тост за Сталина как «организатора нашей победы в Великой Отечественной войне» (8 мая 1999 года на приеме в Кремле по случаю выпуска кремлевских курсантов). Масштабная программа реидеологизации общества, развернувшаяся сразу после прихода Путина к власти, достигла своей

кульминации во время подготовки к празднованию 60-летия Победы над Германией. В школах раз за разом предпринимались попытки ввести единый учебник истории XX века, — идет вялая борьба с «искажениями истории». Тогдашний формальный руководитель правящей «Единой России» и спикер Госдумы Борис Грызлов возложил в день рождения Сталина (21 декабря 2004 года) цветы к его бюсту у стены Кремля и заявил, что «перегибы» в деятельности Сталина не должны закрывать для нас «незаявность» личности этого человека, который как «лидер страны многое сделал для Победы в Великой Отечественной войне». То, что постеснялся сказать Грызлов, а именно: что России нужен авторитарный диктатор, договорили его критики и оппоненты. Секретарь ЦК ВКП (б) Александр Куваев, назвав Сталина «самым выдающимся государственным деятелем», «политиком, которого сегодня не хватает России», заявил, что нынешняя Россия находится «в плачевном состоянии», а потому ей «нужен новый Сталин». Этот тезис с тех пор регулярно повторяется коммунистами (см., например: *Кашин О., Шепелин И.* Красные прошли на зеленый свет // *Коммерсантъ.* 2012. 8 нояб.).

⁸ Такая особенность артикуляции «ценного» или «значимого» присуща не только рассматриваемому «сталинскому комплексу», но и любому выражению «ценностей», включая, видимо, и ценности частной жизни. Слабость российского «общества» как системы коммуникативных, прежде всего обменных и правовых, отношений стерилизует авторитетность групп и институтов, претендующих на функциональную автономность, а значит — и независимость от структур господства. В результате влияние элит любого рода — культурных, научных, религиозных, образовательных, экономических и т. п. — оказывается неизбежно ограниченным. Это отражается, соответственно, на признании значимости тех ценностей, которыми эти элиты конституируются, которые они делают «смыслом своего существования» (совершенствование человека, познание, истина, добро, справедливость, социальность и проч.). Зависимость от власти предполагает обязательную государственную санкцию на выражение любых ценностей, то есть принуждение к определенному способу артикуляции ценностей. Не следует путать этот способ артикуляции ценности с тривиальным мнением о том, что у любого народа в истории свои злодейства, ставшие фактом истории и тем

самым вошедшие в историческую «память» страны. Речь не об этом, и уж точно не у всех народов преступления становятся элементом национальной идентичности. Понятие «современность» (или модернность как типологическая характеристика западной культуры) содержит другие принципы коллективности, впервые отрефлексированные еще Кантом. Протестантская этика, демократия, естественное право или постулаты «Федералиста» не только не предполагают применение насилия для своей реализации, а непосредственно исходят из необходимости его ограничения.

⁹ Поэтому не случайно, что набор «самых великих людей всех времен и народов» в общественном мнении России состоит главным образом из великих злодеев — царей, вождей, военачальников, разбавленных символами государственной культуры (Александр Пушкин, Михаил Ломоносов, Юрий Гагарин, Дмитрий Менделеев, Лев Толстой и т. д.). Тридцать подобных звезд истории первой величины включают Ленина, Сталина, Петра I, Гитлера, Александра Суворова, Георгия Жукова, Наполеона, Екатерину II, Михаила Кутузова, Ивана Грозного, Александра Македонского и других. Наличие в этом списке Гитлера (в среднем по всем замерам — 15-е место), в первый момент шокирующее, в этой логике уже не кажется странным. См.: *Гудков Л.* Время и история в сознании россиян (часть II) // *Вестник общественного мнения.* 2010. № 2 (104). С. 39.

¹⁰ Более того, подобная позиция сама претендует на то, чтобы считаться «моральной». Пример из статьи в «Новой газете» (вкладка «Правда ГУЛАГа»). Автор пишет о своем деде, дважды прошедшем через лагерь. Заканчивая свой материал, он вздыхает: «Какое право у меня — судить их? Френкеля, деда... Что я понимаю в Аду, где были свои театры и изостудии, мастерские для починки обуви, наилучшие портные, краснодеревщики и слесаря <...> Мне плохо». См.: *Цифульников А.* Получив орден, он отправился по этапу // *Новая газета.* 2012. 30 нояб. № 136. С. 13.

¹¹ Аналогичное распределение мнений зафиксировано и в опросе октября 2012 года: за установление в центре Москвы монумента Сталина высказались 23 проц. опрошенных россиян, против — 56 проц. (остальные затруднились с ответом или не имеют на этот счет собственного мнения); за переименование Волгограда — соответственно 18 и 60 процентов.

¹² Годом раньше, в январе и декабре 1989 года, ответы были следующими: «слишком много пишут» и говорят об этом — 28 проц., «достаточно» — 47 проц., «слишком мало» — 16 проц., остальные затруднились с ответом. В декабре того же года цифры начали меняться: «слишком много» — 45 проц., «слишком мало» — 36 процентов. В январе 1993 года мнения были такими: «слишком много» — 47 проц., «слишком мало» — 15 проц., затруднились ответить — 38 процентов. Раздражение было отчасти связано с тем, что в 1989—1990 годы значительная (если не большая) часть людей была настроена на полный разрыв с советским прошлым и готовностью принять западную модель демократической и рыночной организации общества и экономики; поверхностная критика Сталина явно не удовлетворяла людей. Они были не согласны считать Сталина единственным виновником всех бед, которые пришлось пережить народам бывшего СССР (а так думало лишь 8 проц. опрошенных), а предпочитали возложить ответственность за это на всю коммунистическую систему, возглавляемую и символизируемую Сталиным (так считало 38 проц.). Но примерно столько же респондентов не были склонны винить в них Сталина, считая, что «в истории бывают разные периоды и жизнь в Советском Союзе при Сталине была не самым худшим из времен» (21 проц.), или даже, напротив, защищали Сталина от критики и заявляли, что «только благодаря Сталину советскому народу удалось построить сильное, развитое государство и отстоять свою независимость в Великой Отечественной войне (21 проц.) (май 1993 года, N=1600).

¹³ Десталинизируй это. 2011. 31 марта (<http://www.politonline.ru/groups/4222.html>) (см. цитаты Бориса Якеменко, Андрея Исаева, Константина Затулина, Алексея Пушкина и другие).

¹⁴ Калужский эксперт: «Десталинизация» — провокация, направленная на развал общества. 2011. 8 апр. (<http://www.regnum.ru/news/polit/1392889.html>).

¹⁵ *Гудков Л.* Комплекс «жертвы»: Особенности восприятия россиянами себя как этнонациональной общности // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 1999. № 3. С. 46—64; см. также доклад Кевина Платта «Травма и общественная дисциплина: текст, субъект, память и забвение» на XIX Банных чтениях (2011 год). См. краткое изложение Владимиром Ивановым: *НЛО.* 2011. № 5 (111). С. 424—425.

¹⁶ Гудков Л. Миф о Сталине и проблема «стабильности» посттоталитарного режима // Гудков Л. Абортивная модернизация. М.: РОСПЭН, 2011. С. 491–503; *Он же*. Историческая импотенция // Новая газета. 2008. № 13. С. 12–13; *Он же*. Безответственность власти // Ведомости. 2009. 30 сент.; *Он же*. Мы ему не братья и не сестры. А он нам не отец // Новая газета. 2011. 23 мая; *Он же*. Дефицит легитимности путинского режима: Игры со Сталиным // Societ totalitarie e transizione alla democrazia. Saggi in memoria di Viktor Zaslavsky. Bologna, 2011, Il Mulino, P. 431–456.

¹⁷ «...Этот термин в 50-е годы получил условное, эвфемистическое, а на деле – фальшивое значение: тоталитарный режим – это куда сложнее и страшнее, чем славословие Сталину. А нас на 10 лет заняли обсуждением вопроса, кто был виноват, Сталин или Ленин?» См.: Левада Ю. Шестидесятники. М., Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 39.

¹⁸ Как раз за ним последовало поколение, период социализации которого пришелся на брежневский застой с его тихой реабилитацией Сталина, окончательный отказ от коммунистической идеологии и утверждение русского или имперского национализма как идеологического суррогата прежней тоталитарной миссионерской идеологии – поколение нынешнего руководства страны (Путин, Сергей Иванов, Сечин, ушедший в отставку Сердюков и т. п.). Для несогласных или неконформистов оставался очень узкий спектр возможностей: вытеснение из публичного пространства, внутренняя или внешняя эмиграция, отказ от карьеры, домашняя жизнь, «игра в бисер», религиозное неопитство. Большинство же образованных сочетало «службу» и крамольные разговоры на кухне, а если был доступ к неформальным каналам, то и «чтение самиздата».

¹⁹ Соотношение допускающих повторение массовых репрессий и не верящих в такой сценарий политического развития в стране составляет сегодня 1:2 (24:51 при 25 проц. «затруднившихся с ответом»). Большинство россиян в действительности не хотят знать ничего как о сталинской, так и о последующей советской эпохе, хотя декларативно говорят об обратном. Доля собственного чтения (книги, журналы, художественные сочинения, воспоминания, относящиеся к сталинскому времени) в структуре массового чтения сократилась за двадцать лет с 58 до 26 проц. (притом что читать

вообще стали гораздо реже, число «нечитателей» за этот период выросло втрое – с 20 до почти 60 проц.).

²⁰ Гудков Л. Время и история в сознании россиян. Ч. 2. Следуя этой же линии, внутри Русской православной церкви не затихают разговоры о желательности церковной канонизации Сталина.

²¹ Опросы молодежи, касающиеся качества преподавания в школе, в том числе преподавания истории, свидетельствуют о том, что на уроках истории в наших школах о сталинском времени и тем более о массовых репрессиях школьники узнают немного. От 75 до 80 проц. опрошенных данной категории заявили, что они не получили об этом никаких знаний или получили «слишком мало» (июль 2005 года, N = 2000). Более поздние опросы уже всего населения подтверждают эти данные: в опросе 2011 года 72 проц. заявили, что о сталинских репрессиях они имеют «самое общее представление» и знают, по их словам, «мало», 12 проц. вообще ничего не знают. Однако это не мешает основной массе (80 проц.) быть довольной качеством обучением истории в школе, теми знаниями, которые они или их дети получили в школе (2008 год). Другими словами, существует равновесие между потребностями в знаниях об истории страны и предложением, обеспечивающим разгрузку от «ненужных вопросов и напряжений».

²² ТВ стало основным источником сведений о том времени, доля кинематографа, которая была очень значительной в позднесоветское время, резко сократилась. На ТВ сегодня приходится около трети получаемых сведений и представлений о тоталитаризме. Каково качество этих сведений, вопрос для дискуссий.

²³ Пользуясь случаем, хочу выразить свою благодарность Денису Викторовичу Драгунскому, указавшему мне на то, что только одно издательство «Эксмо» за последние 3–4 года выпустило несколько книжных серий («Сталинист», «Сталинский ренессанс», «Загадка 1937 года», «Сталин: Великая эпоха», «Перелом истории» и др.), включавших десятки апологетических книг о Сталине, мемуаров его телохранителей, «исследований», в которых отрицается сам факт массовых репрессий или искажаются их характер и масштабы. Авторы таких книг, если исходить из намерений их авторов, представленных в аннотациях к этим изданиям, ставят своей задачей «разоблачить ложь» хру-

щёвского доклада и более поздние антисоветские «мифы» демократов или «клевету» западных историков, «черную легенду» о том, что «в страшном 37-м году жертвами преступного режима пали «миллионы невинных» или что в ходе политических репрессий были истреблены сотни тысяч ученых, писателей, режиссеров, уничтожена массовая интеллигенция, обезглавлена армия, заключен тайный пакт с Гитлером и проч., и проч. Назову лишь некоторые книги из этих серий, выпущенных за 2009-й и 2010-й годы: «Имя России: Сталин», «За Сталина! Стратег Великой Победы», «Последние годы Сталина: Эпоха Возрождения», «1937: Антитеррор Сталина», «Сталин — победитель: Священная война Вождя», «Сталин перед судом пигмеев», «Зачем нужен Сталин», «Народная империя Сталина», «Встать! Сталин идет: Тайная магия Вождя», «Живой Сталин», «СССР — цивилизация будущего: Инновации Сталина», «Запрещенный Сталин», «Сталин и Церковь глазами современников: патриархов, святых, священников» и т. п. Но таких издательств много. См.: Открытое письмо в дирекцию издательства «Эксмо». 2011. 15 апр. (http://www.chaskor.ru/article/otkrytoe_pismo_23050) и ответ издательства от 20 апреля 2011 г.: «Эксмо» и «нехорошие» книги (http://www.chaskor.ru/article/eksмо_i_nehoroshie_knigi_23106).

²⁴ Вслед за новыми, «правильными» учебниками истории государственное ТВ — основной инструмент путинской пропаганды — стало показывать бесконечные сериалы о тайнах кремлевской жизни, интригах и заговорах в ближайшем окружении диктатора, его душевных терзаниях и «религиозных исканиях» (например, «Сталин. Live», шедший в 2007, 2008, 2009 и 2010 годах), пропагандистские ток-шоу, вроде «Имя России», в котором Сталин показан как главный символ величия России, синоним национальной славы. Эти передачи продолжили тематику и даже жанровые особенности появившейся еще в 1990-е годы обширной тривиальной литературы о нем, его привычках и вкусах, его окружении и любовницах, где Сталин подан то как национальный гений и вождь, спасающий Россию от фашизма или иностранного влияния, в том числе еврейского заговора, то, напротив, в качестве тайного маньяка, конспиратора, одержимого идеей тотального могущества и личной власти, инициатора тайных интриг и проч. Сами по себе подобная литература и телепередачи могли и могут

быть апологетическими, разоблачительными или развлекательными, даже стебными, продолжающими жанровую линию анекдотов 1970–1980-х годов, как это представлено, например, в передаче «6 кадров», но во всех случаях они не затрагивают структуру и суть стереотипа: изображения Сталина всегда носят крайне жесткий характер — маршальский мундир с большими звездами на золотых погонах, грузинский акцент и трубка выполняют все функции, которые требует эта роль. Эта маска сама по себе несет все латентные, подразумеваемые смыслы, которые делают визуальной и осязаемой «харизму» вождя, отделенного невидимым барьером мифа от обычных людей и даже своего окружения. (Если бы это было нужно для каких-то целей, то режиссеры заставляли бы идти Сталина в сортир или в ванну исключительно в мундире и при звезде Героя.) В конце концов важно, что даже при самой плоской сюжетной ситуации этот персонаж входит в кадр в ореоле страшного знания о нем и его эпохе. Конечно, масштабы распространения подобной продукции ограничены периферийной в социальном и культурном плане средой, в которой доживают остатки прежних мифов. Но именно эта среда и является складом, где хранятся элементы подобных мифов. Такого рода книги и передачи могут быть внешне даже как бы антисталинскими или с большими включениями фактического материала о репрессиях, однако в конечном счете интерпретация Сталина в них будет близка к позиции, сформированной ЦК КПСС вскоре после доклада Хрущёва на XX съезде и остающейся неизменной до сих пор: Сталин виновен в незаконных репрессиях («перегибах»), но лишь подобными средствами можно было создать такую великую сверхдержаву, как СССР.

²⁵ Mitscherlich A., Mitscherlich M. Die Unfähigkeit zu trauern. München, 1967. Книга «Неспособность к скорби» выдержала более двадцати изданий и переводов на все основные европейские языки.

²⁶ Это хорошо понимали религиозные мыслители, использовавшие библейские сюжеты как способ этической рационализации существования. Например, такой ход рассуждения: Господь не потому уничтожил Содом и Гоморру, что их жители грешили, а за то, что они хотели сделать грех законом (все грешны), но надо сознавать, что грех — это грех, отклонение, а не норма, не закон.

²⁷ «Общество потребления» — это не «средний класс» в западном смысле слова, с которым у нас обычно путают это явление. Гратификации

российского потребителя гораздо слабее связаны с условиями признания индивидуальных достижений, с индивидуалистической этикой, чем в западных обществах (следует учитывать само различие институциональных систем, задающих признание и смысл труда). Российская рыночная экономика остается сильнейшим образом зависимой от власти, в ней огромное значение приобретает распределение административной ренты и коррупционных ресурсов, деформирующих общественный смысл «достижения». Потребление в современной России теснейшим образом связано с демонстрацией статуса, социального престижа как выражением социальной ценности индивида, то есть с «подсознанием» дефицитного социалистического общества. «Общество» как апеллятивная инстанция здесь — в отличие от среднего класса в странах завершённой модернизации — сохраняет свой адаптивный и зависимый (по отношению к политической системе) характер. Поэтому верх-

ний уровень коллективных ценностей, комплексов представлений, символов не связан с ценностями частной жизни и существования, не зависит от них и остается государственно-патерналистским и предельно консервативным.

²⁸ «Каждый период обычно находит свое “оправдание” в отрицании предшествующего правления и расправах с его элитарными структурами. Функции отсутствующей традиции (как элемента легализации и поддержки существующего порядка) восполняются квазиисторической мифологией». См.: Введение: Элитарные структуры в постсоветской ситуации // *Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю.* Проблема «элиты» в современной России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 5. Ранее кто-то из русских философов уподобил этот феномен русской истории «луковице»: исторический слой снимался при очередном катаклизме и уходил один за другим, не меняя строения всего целого.